

В целом рецензируемая книга коллектива искусствоведов Научно-исследовательского института художественной промышленности представляет несомненную ценность и вызовет большой интерес у широкого круга специалистов, в том числе и у этнографов, как советских, так и зарубежных.

С. Б. Рождественская

ИССЛЕДОВАНИЕ О ЛАТЫШСКОЙ НАРОДНОЙ ОДЕЖДЕ

М. К. Slava. *Latviesu tautas tēpi. «Arheologija un etnografija»*. Rakstu krajums. VII. Rīga, 1966, 167 стр. + 38 табл.

Институт истории АН ЛатвССР опубликовал монографию М. К. Славы «Латышская народная одежда» с предисловием Г. Строда. Текст книги на латышском языке, краткое резюме (9 стр.) и подписи под иллюстрациями даны в русском переводе. Книга М. К. Славы представляет собою капитальную работу — результат многолетних исследований автора. Ценность монографии состоит в богатстве фактического материала, большей частью оригинального, в разносторонности использованных источников и, что особенно хотелось бы подчеркнуть, она по своей методике и методологии принципиально отличается от многих вышедших ранее работ, посвященных той же теме. Книга богато иллюстрирована, содержит 92 черно-белых рисунка в тексте и 38 цветных таблиц в конце книги.

Хронологически исследование охватывает преимущественно XVIII и первую половину XIX в., но в ходе изложения автор систематически привлекает материал более ранних исторических периодов. Одна из глав посвящена краткой истории формирования костюма до XVIII в., а заключительная глава — судьбе народного костюма в период капитализма и в социалистическую эпоху.

Изложению материала предшествует обзор литературы и источников по теме монографии. Автор знакомит с богатейшими собраниями по одежде латышских музеев¹ и с коллекциями Государственного музея народов СССР в Ленинграде, она изучала также основные фонды музеев по одежде Литовской и Эстонской ССР.

М. К. Слава вводит в научный оборот ранее малопользованные ценные материалы рукописного архива Всесоюзного географического общества в Ленинграде (материалы экспедиции Я. Шегрена 1846 г., акварели художника А. Пецольда, полевые записи этнографа Я. Калея-Кузнецова и др.). Значительное место уделяется характеристике уникального этнографического источника, к сожалению, до сих пор не опубликованного, десяти томного собрания оригинальных рисунков-миниатюр Я. Бротце (1772—1823 гг.)², а также рисунков О. Гуна (1820 г.)³. В тексте работы автор умело использует оригинальные материалы, извлеченные из государственных архивов, протоколы волостных судов, инвентарные списки имущества умерших крестьян, описания одежды беглых крепостных и т. п. М. Слава справедливо отмечает большую ценность многочисленных публикаций путешественников XVI—XVIII вв., работ о латышах западноевропейских авторов XVIII—XIX вв., указывая вместе с тем на фрагментарность содержащихся в них сведений по одежде. Нельзя не согласиться с оценкой автором работ по одежде, опубликованных при буржуазном строе. Признавая репрезентативность этих изданий, обилие фактического материала и красочных иллюстраций⁴, М. К. Слава вскрывает слабость, а порой и порочность их методологии. Публикации буржуазного времени, особенно при фашистской диктатуре, отличались большой тенденциозностью. Исходя из концепции консервативности латышской одежды (развитие которой якобы прекратилось в XVII в.), авторы рассматривали ее как нечто статическое, изолированное. Многие из работ того времени служили националистическим задачам поисков обособленной «чистой латышской культуры», очищенной от «чуждых» влияний, а также пропаганде социального единства латышского народа.

¹ Только в этнографическом отделе Музея истории ЛатвССР в Риге, указывает автор, имеется свыше 17 000 предметов по одежде, в рукописном архиве отдела хранятся материалы по одежде в виде фотоснимков, описаний, зарисовок, чертежей, зафиксированных экспедициями 1924—1930-х годов; из республиканских краеведческих музеев наиболее значительна коллекция по одежде в Лиепайском музее.

² Y. Chr. Brotze, *Sammlung verschiedener Liefländischer Monumente, Prospective, Mützen, Wappen etc.*, I—X. Рукопись хранится в фундаментальной библиотеке АН ЛатвССР.

³ О. Гун, Zimejumi LCVVA (ЦГИ Архив) ЛатвССР, ф. 6840, оп. 1, д. 62.

⁴ Например, «Latviju Raksti», t. I—III, Rīga, 1924—1931.

Будучи представителем советской этнографической школы, М. К. Слава построила свою работу на иных принципах: в основу ее исследования положен метод исторического материализма. Автор рассматривает народную одежду в ее историческом развитии, в связи с изменениями социально-экономических условий жизни народа, освещает на материалах одежды этнокультурную историю латышей, выявляет в одежде общие черты с родственными или соседними народами, а также результаты культурных взаимовлияний. Вместе с тем автор преследует и практическую цель: публикацию высокохудожественных образцов народного искусства. Слабая изученность вопроса потребовала от М. К. Славы, помимо привлечения упомянутых выше разнообразных источников, многие годы заниматься полевыми исследованиями как на территории ЛатвССР, так и в пограничных районах, в Эстонской, Литовской ССР и в РСФСР. В книге помещены карты полевых маршрутов экспедиций Института истории АН ЛатвССР и Прибалтийской комплексной экспедиции Института этнографии АН СССР, в которой М. К. Слава активно участвует уже много лет.

В главе «Латышская одежда до XVIII в.» использованы археологические данные, позволившие восстановить одежду латышских племен с VII в. н. э. М. К. Слава опирается в своих выводах на работы латвийского археолога А. Э. Зарыни, накопившей большой материал по фрагментам древней одежды латышей⁵. При сопоставлении археологических материалов с данными XVII—XVIII вв. М. К. Слава приходит к заключению, что «народная одежда латышей до XVIII в. состояла в основном из тех же частей, что и в древние времена. Только богатую орнаментацию металлическими украшениями заменил стеклянный бисер, нитяные кисти и вышивки».

С этим выводом можно согласиться, но в резюме на русском языке формулировка его (стр. 154) требует уточнения. Речь может идти о сохранении некоторых основных частей одежды, но изменения коснулись, конечно, не только характера украшений, но в известной мере и состава всего комплекса костюма, характера ткани, расцветки и т. д., о чем рассказывает далее сам автор.

В основных разделах книги рассматривается латышская народная одежда периода позднего феодализма, когда она достигла, по выражению автора, классических форм.

Изучены материал одежды и техника его изготовления: ткань и окраска (стр. 25—31). К сожалению, о ткани с подкладкой дощечек говорится очень кратко (стр. 27). Рассмотрены техника украшения одежды и ее шитье (стр. 31—40), особенно — вышивка, связанная с одеждой. Очень важен раздел «Возрастные и социальные различия в одежде» (стр. 40—44), так как в работах буржуазных авторов социальный аспект при исследовании одежды не учитывался. В феодальный период, как справедливо отмечает автор, латышская народная одежда была одеждой крестьян, резко отличаясь от одежды помещиков и бюргеров немецкого происхождения, костюм подчеркивал не только классовые, но и национальные различия. Некоторые отличия в одежде разных социальных групп крестьянства наблюдаются уже в конце XVIII в. с развитием торговых отношений. Автор характеризует для начала XIX в. особенности в одежде крестьян-дворохозяев, крестьян-арендаторов, батраков и других социальных категорий. Со второй половины века социальные различия становягся резче. Выделяется зажиточная верхушка — «серые бароны», они начинают подражать в костюме немецким помещикам и городской буржуазии, для которых была характерна одежда западноевропейского образца. Хранителем национальных традиций в следже остается в то время главным образом среднее крестьянство. Для иллюстрации социальных различий в одежде латышских крестьян М. К. Слава приводит интересный фольклорный материал. В книге подробно рассматриваются отдельные составные части женской и мужской одежды: рубахи, поясная одежда, пояса, женские покрывала — «виллайне», верхняя одежда, головные уборы, обувь, рукавицы и перчатки, украшения (стр. 44—102), а также характерные комплексы и их локальные варианты (стр. 103, 119).

Автор выделил пять основных комплексов женской одежды: видземский, латгальский, аугшземский, земгальский и курземский, положив в основу своей классификации не только расцветку, характер украшений (как это делали предшествующие авторы), но прежде всего — покрой — существенный, определяющий признак. Весьма важен вывод о том, что особенности основных комплексов одежды в известной мере восходят к различиям в материальной культуре отдельных племенных объединений, населявших данную территорию и вошедших позднее в состав латышского народа (стр. 154). Натуральное хозяйство, слабость культурных связей в период феодализма способствовали, как отмечает автор, сохранению и развитию местных особенностей народной одежды.

В специальном разделе освещаются историко-культурные связи латышей по ланной одежде (стр. 120—124).

Особенно четко выделены типы рубах. Мы присоединяемся к выводам автора: наиболее характерной для латышей, как и для других прибалтийских народов, является

⁵ См. А. Э. Зарыня, Одежда латгалов по материалам археологических раскопок последних лет, «Вопросы этнической истории народов Прибалтики», I, М., 1959, и другие работы.

туникообразная рубаха (в различных вариантах), а рубаха с поликами появляется под влиянием культурных связей со славянами.

М. К. Слава справедливо уделила внимание существенному вопросу бытования у латышей несшитой поясной одежды типа поневы. Этот более древний элемент костюма роднит одежду латышей не только с другими прибалтийскими народами, но и с более широким кругом народов Европы, более всего с восточными, западными и южными славянами. Весьма интересен упомянутый автором термин «прошава» — сходный с названием вставки в русской поневе «прошава». Этимология слова нуждается в специальном языковедческом анализе.

Одной из наиболее древних и самобытных частей женской латышской одежды автор считает наплечное покрывало — «виллайне», известное уже с VIII в.

Действительно, хотя покрывало этого типа и отмечается в одежде прибалтийских народов, а также и западных славян, однако наибольшее развитие этот вид одежды получил у латышей.

В результате анализа имевшихся материалов автор характеризует древнее родство и общность культуры латышей и литовцев, а также характер историко-культурных связей латышей с ливами, эстонцами, вольдой. Отмечая некоторое немецкое и скандинавское влияние на одежду латышей, автор отмечает, что оно не было значительным, поскольку здесь отсутствовали тесные бытовые контакты.

Существенное внимание уделено вопросам латышко-славянских отношений: выявлена общность одежды латышей Латгалии и Аугшземе с одеждой русских и белорусов. Ряд наиболее архаических элементов — женский головной убор «pamats», тип плетеной обуви и др. автор склонен рассматривать как свидетельство древних связей латышей со славянами и угро-финнами.

Классификация мужской поясной одежды, к сожалению, дана недостаточно четко, в частности, не отмечено, что тип мужских штанов (рис. 32—6) сходен с белорусским. Важное значение для типологии верхней одежды имеет покрой, а также устройство бортов. Автор отметил наличие однобортной и двубортной одежды, однако неясно, что он под этим понимает. При определении типов существенно и то, на какую сторону запахивалась одежда. Судя по таблицам, двубортная одежда (с полой, основательно находящейся на другую) и с застежкой на левой стороне отмечается в кафтанах жителей Латгалии (рис. 57—2, 4, 5), встречается также в Аугшземе (рис. 58—1); подобный тип одежды характерен и для восточных соседей латышей. Двубортные короткие куртки и некоторые кафтаны из Курземе, с застежкой на правой стороне (рис. 59—1, 2, 6, 10) сходны с одеждой западных соседей — эстонцев, поляков и др.

Таким образом, и эта часть крестьянской одежды дает большой материал для сравнений, однако он мало использован.

Весьма положительной оценки заслуживают методические приемы автора: составленные шесть карт, показывающих «географию», т. е. распространение отдельных элементов и целых комплексов одежды, помогли автору понять их происхождение и проследить необходимые параллели. Ценны и сводные таблицы, дающие интересный массовый материал (табл. 56—59, 67, 71, 73, 76, 79) или подробно объясняющие способы одевания и повязывания головных уборов (табл. 67, 68, 69).

В краткой заключительной главе автор прослеживает судьбу народного латышского костюма в капиталистический период и в наши дни, показывает внедрение в среду сельских жителей костюма, сшитого по городской моде, приводит интересные данные об оценке этого явления в местной прессе того времени (1870-е годы); отмечает усилившиеся в конце XIX — начале XX в. резкие расхождения в costume различных социальных групп крестьянства. Это находило свое проявление как в типе костюма, так и в материале (малоимущие слои, переходя на городской тип одежды, продолжали использовать ткани домашнего производства). Процесс отказа от традиционного народного костюма проходил в Латвии с разной степенью интенсивности, в некоторых местах (например, в ряде волостей в Курземе) женская народная одежда широко бытовала и в 1930-е годы, кое-где ее носят и теперь. В 1880—1890 гг. в среде буржуазных кругов латышской интеллигенции развернулось общественное движение за возрождение латышского народного костюма. В 1890-х годах был создан специальный «комитет по народной одежде», главной задачей которого было добиться, чтобы участники «дней песни» выступали в народных костюмах. М. К. Слава справедливо критикует идеологическую направленность и достигнутые результаты этих устремлений. Со стороны латышской буржуазии, всеми средствами укреплявшей свои позиции, это (как и в целом в пропаганде возрождения древней латышской культуры) была попытка завоевать доверие и симпатии широких трудящихся масс. Искуственно возрожденный народный костюм отличался крайней стилизацией, нередко доходившей до прямого искажения. В годы буржуазной власти в Латвии в отношении к народному костюму в еще большей мере проявились националистические устремления правящих кругов. При фашистской диктатуре, подчеркивает автор, ношению народного костюма придавалось особое значение — демонстрации существовавшего якобы социального единства и мира в стране. Воссозданная в эти годы народная одежда получила в результате различных

поощрительных мер (или официально введенная) довольно широкое распространение. Тип костюма был значительно модернизирован.

Характеризуя общий расцвет культуры в Латвии ССР в настоящее время, М. К. Слава знакомит с широким использованием народного костюма повсеместно в республике: трудящиеся приходят в народных костюмах в дни революционных праздников и демонстраций, в народных костюмах выступают многотысячные хоры и танцевальные коллективы, нередко в народных костюмах можно увидеть процессии при свадебных церемониях и т. п.

В республике устраиваются выставки образцов подлинных народных костюмов, публикуются альбомы, работают училища прикладного искусства и т. д. Коллекции по одежде и украшению, накопленные и все пополняющиеся в музеях Латвии, широко используются творческими работниками как в самой республике, так и во многих других братских советских республиках. Хотелось бы высказать сожаление, что автор, отмечая успехи в творческой переработке образцов народного костюма и украшений в современной промышленности или художественном ремесле, не охарактеризовал их достаточно подробно.

Книга хорошо и богато иллюстрирована. Широко использовано цветное фото, а также рисунки, удачно выполненные художником Я. Риекстипем в единой манере с акварелями XVIII—XIX вв., с которыми они объединены в общие таблицы. Фотографии деталей одежды, вышивки, данные крупным планом, хорошо передают их технику и фактуру.

Приятно внешнее оформление книги. Нельзя не согласиться с мнением писателя и этнографа Я. Ниедре, опубликовавшего рецензию на работу М. К. Славы, что в лице автора удачно сочетаются ученый-этнограф и искусствовед⁶. Следует, однако, заметить, что при публикации предметов было бы необходимо указать их размеры (например, какая это часть натуральной величины, или приложить масштабную линейку). Подписи к рисункам и ссылки на источники в ряде случаев носят слишком общий характер.

Книга снабжена большим ссылочным аппаратом; в конце приложена библиография. Она весьма полезна, но это скорее список использованной литературы, так как она далеко выходит за рамки исследованной темы. Оглавление книги следовало бы дать не только на латышском, но и на русском языке.

Монография М. К. Славы — плод многолетнего труда, проделанного автором в соответствии с намеченным еще в начале 1956-х годов планом исследований проблем этнической истории народов Прибалтики. Эти исследования проводятся этнографами научных учреждений Литовской, Латвийской и Эстонской ССР в содружестве с Институтом этнографии АН СССР и другими научными учреждениями страны. В настоящее время коллектив этнографов Прибалтийских советских республик приступил к работе над историко-этнографическим атласом народов Прибалтики. Книга М. К. Славы, равно как вышедший ранее альбом эстонской одежды, — ценный вклад в это общее большое исследование⁷.

Г. С. Маслова, Л. Н. Терентьева

⁶ J. Niedre, Jauns darbs latviešu etnografiskajā literatūrā, «Karogs», 1967, № 6, стр. 158.

⁷ «Эстонская народная одежда XIX — начала XX в.», Таллин, 1960.

НАРОДЫ ЗАРУБЕЖНОЙ АЗИИ

Joseph M. Kitagawa. *Religion in Japanese history*. New York, 1966.

В зарубежной японоведческой литературе, помимо многочисленных исследований по отдельным сторонам японских религий, есть немало трудов, посвященных обзору японских религий в целом. Однако работы эти либо написаны очень давно и к настоящему времени уже существенно устарели (как книга В. Е. Гриффиса «Японские религии»), либо носят очень конспективный и вследствие этого неполный и неглубокий характер (как сравнительно новая работа В. К. Бунса «Религии в Японии») ¹. Поэтому можно смело сказать, что книга Джозефа Китагавы «Религии в истории Японии» заполняет важный пробел в зарубежной японоведческой литературе и не имеет себе равных по полноте и фундаментальности исследования.

¹ W. E. Griffis, *The religions of Japan*, New York, 1896; W. K. Bunce, *Religions in Japan*, Rutland, 1955.